

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА И РЕГИОНА: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Woman in Russian Society
2018. No. 2 (87). P. 75—88
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7

Женщина в российском обществе
2018. № 2 (87). С. 75—88
ББК 60.723.5
DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА РОЖДАЕМОСТЬ: СЛУЧАЙ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НОГАЙЦЕВ ИЗ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

К. И. Казенин^{а, b, c}, Э. Ш. Идрисов^d, М. М. Имашева^e

^а Центр региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

^б Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, г. Москва, Россия

^с Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия

^д Астраханский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Астрахань, Россия

^е Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, imaschewa@yandex.ru

Рассматривается влияние миграции на репродуктивное поведение женщин на примере переселения ногайцев из Дагестана в другие регионы России. На основе проведенного авторами количественного полевого исследования в Дагестане и в регионах миграции делается одна из первых попыток оценить роль данного процесса как фактора рождаемости. Представлены основные гипотезы о возможном влиянии миграции на рождаемость, которые затем статистическими методами проверяются. Результаты позволяют утверждать, что миграция ведет к принятию новой модели брачно-репродуктивного поведения, связанной с более поздним вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также с меньшим количеством детей в семье. При этом для изменения возрастных характеристик рождаемости статистически наиболее значимо проживание женщины вне исторической родины до 15-летнего возраста, а для изменения количества детей — проживание вне Дагестана на момент опроса.

Ключевые слова: рождаемость, миграция, Северный Кавказ, этничность, адаптация мигрантов.

© Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М., 2018

В публикации отражены результаты исследования по теме НИР Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ «Демографические процессы и динамика рождаемости среди мигрантов-мусульман Северного Кавказа» (2017 г.).

**THE RELATION OF MIGRATION AND FERTILITY:
THE CASE OF MIGRATION OF NOGAIS FROM DAGHESTAN**

K. I. Kazenin^{a, b, c}, E. Sh. Idrisov^d, M. M. Imasheva^e

^a Center for Regional Studies and Urbanistics, Russian Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^b Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

^c National Research University “Higher School for Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation

^d Astrakhan Branch, Russian Academy for National Economy and Public Administration, Astrakhan, Russian Federation

^e Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, imaschewa@yandex.ru

The paper studies relation of migration for Nogais, a people residing in North Caucasus and migrating from there to other regions of Russia. We focus on migration of Nogais from one republic of North Caucasus, Daghestan, where local fertility is considerably higher than in most other regions of Russia, including those where Nogais move to. The study is one of the first attempts to estimate the relation between fertility and migration for a group of internal migrants in Russia. The study is based on a field survey held among Nogai women of age 16—39 at their territory of origin and in the migration sites. Key hypotheses on migration/fertility relation are introduced in the paper. Then models are built which study relation between migration and some parameters of fertility, viz. number of children ever born to a woman and woman’s age at first child bearing. The results indicate that migration leads to accepting a new mode of fertility behavior, with lower level of fertility and higher mother’s age at first birth. Furthermore, for timing of fertility residence of a woman in her adulthood is mostly significant, whereas number of children ever born to a woman is significantly related to place of her residence at the age from 0 to 15.

Key words: fertility, migration, North Caucasus, ethnicity, adaptation of migrants.

Введение

Влияние миграции на характеристики репродуктивного поведения женщин является одной из наиболее интенсивно исследуемых тем в мировой демографии последних десятилетий. Интерес к этой теме объясним, с одной стороны, увеличением масштабов миграционных потоков в разных частях мира, а с другой — ее актуальностью для изучения взаимосвязи между рождаемостью и брачностью и социокультурными характеристиками среды, в которой находится женщина*.

* О связи внутренней миграции и репродуктивного поведения населения РФ см.: [Захаров, Сурков, 2009]; о рождаемости в семьях международных и внутристрановых мигрантов за рубежом см., напр.: [Abbasi-Shavazi, McDonald, 2002; Andersson, 2004; Coleman, Dubuc, 2010; Cygan-Rehm, 2013; Goldstein S., Goldstein A., 1981; Hervitz, 1985; Ноём, Nedoluzhko, 2008; Kulu, 2005; Milewski, 2010; Pailhé, 2015]; обзор зарубежных исследований данной тематики см.: [Казенин, 2017].

Исследования показывают, что какую-либо единую «траекторию» влияния миграции на рождаемость выявить невозможно. Однако на базе разных данных обоснованы четыре ключевые гипотезы об изменении рождаемости в переселенческих сообществах. Ни одна из этих гипотез не является универсально верной, но каждая из них задает вероятный сценарий динамики рождаемости среди мигрантов.

1. Гипотеза социализации (*socialization hypothesis*) предполагает, что на брачно-репродуктивное поведение женщины наиболее существенно влияют те установки, которые она усвоила в детстве и юности. Суть сценария, предсказываемого этой гипотезой, — в воспроизведении у женщин, совершивших миграцию, когда им было не менее 15 лет, тех характеристик брачно-репродуктивного поведения (средний возраст женщины при вступлении в брак и при рождении первого ребенка, среднее число детей у женщины к разным возрастам и т. д.), которые наблюдаются на исторической родине мигрантов. Если коренные жители принимающей территории заметно отличаются по характеристикам брачно-репродуктивного поведения от жителей отправляющей территории, то в рамках данной гипотезы ожидается сохранение контрастов по этим характеристикам между мигрантами, по крайней мере первого поколения, и коренными жителями.

2. Гипотеза адаптации (*adaptation hypothesis*) утверждает, что женщины, совершившие миграцию, усваивают брачно-репродуктивные установки, распространенные среди коренного населения принимающей территории. В случае если между населением принимающей и отправляющей территорий есть заметные различия по параметрам брачности и рождаемости, в рамках данной гипотезы ожидается, что женщины-мигрантки будут приближаться по этим параметрам к населению принимающей территории вне зависимости от того, мигрировали ли они в детстве или во взрослом возрасте.

3. Гипотеза разрыва (*abruption hypothesis*) предполагает, что миграция оказывает основное влияние на брачно-репродуктивное поведение женщины не в течение всего репродуктивного возраста, а лишь в первые 3—5 лет после переезда, при этом в зависимости от целей миграции в указанные годы может наблюдаться либо всплеск рождаемости (если преобладает миграция с целью заключения брака), либо, наоборот, ее снижение (если преобладает трудовая миграция).

4. Гипотеза селективности (*selectivity hypothesis*) утверждает, что имеется взаимосвязь между миграцией и характеристиками брачно-репродуктивного поведения женщины не только после, но и до ее переезда, например, в силу того, что миграция более доступна семьям с малым числом детей.

В данной статье мы сосредоточились на оценке гипотез социализации и адаптации. Такой выбор связан с тем, что условия реализации сценариев, задаваемых именно этими гипотезами, в настоящее время обсуждаются в демографии наиболее активно, что представляется вполне оправданным, ведь гипотеза социализации предполагает сохранение контрастов между мигрантами и жителями принимающей территории, а гипотеза адаптации — их стирание. При этом обнаруживается, что даже на одной и той же принимающей территории для одних миграционных потоков может реализовываться сценарий, предсказываемый гипотезой адаптации, а для других — гипотезой социализации. Примером может служить международная миграция в Великобританию: мигранты из стран Карибского бассейна, Индии и ряда других государств после переезда в королевство демонстрируют тенденцию к снижению рождаемости, а мигранты из Пакистана

и Бангладеш сохраняют рождаемость на характерном для их исторической родины высоком уровне (см.: [Kulu, Hannemann, 2016]). Наличие подобных контрастов и приводит к необходимости исследовать вопрос о том, что может влиять на сценарий брачно-репродуктивного поведения мигрантов. Очевидно, что без удовлетворительного ответа на этот вопрос невозможно прогнозировать динамику рождаемости в переселенческих сообществах. Такое прогнозирование, в свою очередь, важно не только для расчетов будущего количества населения территорий, на которые совершается миграция. Хорошо известно, что контрасты между мигрантами и коренным населением по возрасту вступления женщин в брак, по уровню репродуктивной активности нередко становятся одним из важных индикаторов более общих социокультурных различий и должны учитываться при разработке мер по интеграции мигрантов, в том числе женщин, в принимающий социум.

Настоящее исследование представляет собой попытку оценить гипотезу адаптации и гипотезу социализации на примере одного из миграционных потоков с Северного Кавказа в другие регионы России. Такой выбор исследования обусловлен следующими причинами. Во-первых, в части регионов Северного Кавказа продолжают существовать достаточно заметные отличия от России в целом по характеристикам рождаемости и брачности, что делает возможными как ассимиляцию мигрантов по этим характеристикам с населением принимающей территории, так и сохранение между ними данных различий [Казенин, Козлов, 2016]. Во-вторых, большие масштабы миграции с Северного Кавказа в другие регионы РФ и определенные проблемы с интеграцией переселенцев в принимающий социум требуют внимания к перспективам динамики брачно-репродуктивного поведения женщин в переселенческих сообществах (см., напр.: [Карпов, Капустина, 2011]).

Как показано в статье «Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации», между этносами Северного Кавказа в настоящее время сохраняются различия по уровню и возрастным характеристикам рождаемости [Казенин, Козлов, 2017а]. В связи с этим при исследовании влияния миграции на рождаемость имеет смысл отдельно рассматривать миграционные потоки разного этнического состава. В нашем исследовании изучается миграция одного из равнинных этносов Северного Кавказа — ногайцев — в регионы, расположенные за пределами Северо-Кавказского федерального округа. Учитывая возможные различия между ногайцами, проживающими в разных регионах Северного Кавказа, по характеристикам брачно-репродуктивного поведения, мы ограничились рассмотрением миграции ногайцев из одного региона — Дагестана. Основным источником данных являются результаты опроса женщин ногайской национальности, находящихся в репродуктивном возрасте. Опрос был проведен в 2017 г. в Дагестане и в двух регионах, куда идет интенсивная миграция этого этноса из Дагестана, — в Астраханской и Тюменской областях.

Миграция ногайцев из Дагестана: общие сведения

Активная миграция ногайцев из Дагестана началась в середине 1990-х гг. В основном она была связана с экономическими причинами. Наиболее привлекательными для ногайцев оказались северные регионы РФ. По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Ханты-Мансийском автономном округе проживало

5,3 тыс. ногойцев, в Ямало-Ненецком — 3,5 тыс., в Красноярском крае — около 1 тыс. Реальное количество ногойцев Северного Кавказа (среди которых явно доминируют выходцы из Дагестана), проживающих на севере, оценивается более впечатляющими цифрами — до 20—30 тыс. человек [Ярлыкапов, 2014: 129].

Исследователь А. А. Ярлыкапов отмечает: «Если в 1990-е гг. мигрировали только те, кто не имел работы и средств к существованию на родине, то в 2000-е гг. появляется пусть не преобладающая, но заметная группа мигрантов, которые переезжают на Север уже в поисках более высоких, чем на родине, заработков» [Ярлыкапов, 2008: 79]. По нашим наблюдениям, в 2010-х гг. усилилась молодежная миграция в этом направлении, практически задан основной карьерный вектор для молодых ногойцев — после получения профессионального образования уехать на север на заработки.

Астраханская область также стала местом принятия ногойцев из Дагестана. На первом этапе доминировала образовательная миграция — переезд на время обучения в профессиональном учебном заведении. Но по причине успешной адаптации постепенно увеличивалось количество молодых людей, оставшихся здесь. Выходцы из Дагестана ногойской национальности уступают по количеству выходцам из Чечни, но вместе они составляют этнокультурный конгломерат ногойцев Астраханской области, так как на этой территории проживают и представители нижевожской группы ногойцев, с которыми у мигрантов после распада СССР установились тесные взаимоотношения. По данным последней переписи населения, всего в регионе 7589 ногойцев, из них до 1000 человек — это переселенцы из субъектов Северного Кавказа [Идрисов, 2014b].

Город Астрахань является образовательным центром, и многие молодые ногойцы из Дагестана, получив там профессиональное образование, в основном медицинского или технического профиля, уезжают на заработки в северные регионы, прежде всего в города Сургут и Уренгой. С другой стороны, можно отметить тенденцию, состоящую в том, что после заработков на севере некоторые ногойцы возвращаются не к себе на родину в Дагестан, а строят дома или покупают жилье в Астраханской области, чтобы дать возможность своим детям получить хорошее профессиональное образование и сделать карьеру в этом регионе.

Для нашего исследования интересно оценить разницу в процессах этнокультурной адаптации ногойцев из Дагестана в разных регионах, куда идет их миграция. На севере ногойцы попадают в среду, где преобладают иноэтничные мигранты. При этом там меньше времени остается для занятий с детьми, так как многие работают в жестком графике. В Астраханской области ногойцам проживать и адаптироваться комфортней, поскольку там есть, во-первых, представители нижевожских ногойцев, а во-вторых, большие группы близкородственных тюркских народов — татар и казахов [Идрисов, 2014b].

Интересно наблюдение А. А. Ярлыкапова о том, что на севере РФ северокавказские ногойцы интегрируются с представителями землячеств других народов Северного Кавказа [Ярлыкапов, 2014: 133—134]. В Астраханской области такого отметить нельзя. Там ногойцы Дагестана в социокультурном плане тяготеют к представителям тюркских народов и сохраняют дистанцию с переселенцами из горских народов Кавказа. Это отражается, в частности, на межэтнических браках. На севере, кроме браков между ногойцами одного региона,

распространены браки между ногайцами Дагестана и Карачаево-Черкесии, имеются и случаи заключения браков с представителями дагестанских народов, например лезгинами. В Астраханской области при сохранении наибольшей распространенности браков между ногайцами, прибывшими с Северного Кавказа, обычны и их браки с местными ногайцами, а также с казахами (возможно, заключаются даже чаще, чем с местными ногайцами) и татарами [Идрисов, 2014b].

Следует констатировать, что миграция ногайцев из Дагестана носит системный характер. Она не может не сказаться в целом на дальнейших возможностях этнического воспроизводства. Это становится особенно заметно в отношении Ногайского района Дагестана, в котором по причине выезда на заработки количество людей среднего возраста заметно убавилось. В демографическом плане обостряется также проблема неполных семей, когда женщина воспитывает детей одна по причине более высокой миграционной активности мужчин.

Полевое исследование: основные характеристики

В мае—декабре 2017 г. нами было проведено анкетирование женщин 16—40 лет ногайской национальности, проживающих в местах компактного расселения ногайцев в Дагестане (Ногайский, Кизлярский, Бабаюртовский районы), а также в Астраханской (г. Астрахань) и Тюменской областях (г. Сургут, пос. Новая Федоровка). В Дагестане отбор опрашиваемых осуществлялся по двухступенчатой методике случайного выбора (выбор населенных пунктов и выбор респонденток внутри населенных пунктов). В Астраханской и Тюменской областях выборка респонденток была составлена методом «снежного кома» с использованием местных землячеств. Общее число ответивших на вопросы анкеты в Дагестане — 271, в двух других регионах — 201 (из них в Тюменской области — 126, в Астраханской области — 75). И в Дагестане, и за его пределами в выборку включались только женщины, которые родились в Дагестане. Ранжирование регионов по числу опрошенных соответствует их ранжированию по оценочной численности в них ногайцев дагестанского происхождения.

Вопросы в анкете делились на два блока. Вопросы первого блока касались биографии женщины (дата и место ее рождения, миграционная история, образование, брачный статус и возраст вступления в брак, количество детей и возраст при рождении каждого ребенка). С помощью вопросов второго блока определялись те социокультурные характеристики, которые, как показали наши предшествующие исследования (см.: [Казенин, Козлов, 2017b]), могут быть значимы для брачно-репродуктивного поведения женщин в Дагестане — для возраста вступления в первый брак и рождения первого ребенка, числа детей к тому или иному возрасту. Некоторые из этих характеристик отражают уклад семьи, членом которой является респондентка. На выявление таких характеристик были направлены вопросы о том, училась или работала женщина после вступления в брак, была ли знакома с будущим супругом до свадьбы, сама познакомилась с ним или была знакома родственниками, самостоятельно приняла решение о вступлении в брак или сделала это по совету родителей и др. В совокупности эти вопросы позволяли определить, насколько жестко в семье респондентки действует гендерная иерархия, предписывающая женщине концентрироваться в основном на домашнем хозяйстве и ставящая ее в зависимость от родственников

при принятии ключевых жизненных решений. Другие социокультурные характеристики, на выявление которых были ориентированы вопросы анкеты, касались личной религиозности женщины (в их числе вопросы о том, считает ли она важным религиозное воспитание детей, и об отношении к абортam).

Связь характеристик брачно-репродуктивного поведения и миграции: результаты анализа

Анкетирование позволяет утверждать, что между женщинами ногайской национальности, родившимися и проживающими в Дагестане, и теми, кто, родившись в Дагестане, постоянно проживал за его пределами, имеются статистически значимые различия по основным характеристикам брачно-репродуктивного поведения. В табл. 1 даны средние значения возраста при вступлении в первый брак, возраста при рождении первого ребенка, а также количества детей, рожденных к 25, 30 и 35 годам для обеих групп женщин. Для всех пяти показателей доверительные интервалы на 95 %-м уровне значимости не пересекались, что указывает на статистическую достоверность обнаруженных различий между двумя подвыборками. При этом у женщин, проживающих в Дагестане, средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка оказались ниже, чем у переехавших в другие регионы, а среднее число детей к указанным возрастным рубежам — выше. Можно отметить, что к 35 годам у проживающих в Дагестане среднее число детей (2,51) выше уровня простого воспроизводства населения (2,2 на одну женщину). Снижение рождаемости до данного уровня рассматривается исследователями как важный индикатор так называемого первого демографического перехода (см.: [Вишнеvский, 2006]), модернизационного изменения семьи, характерного для эпохи первоначальной урбанизации, индустриальных преобразований и т. д. (у населения регионов Центральной России первый демографический переход в основном завершился к 1960-м гг.). Следовательно, полученные данные позволяют говорить о том, что репродуктивное поведение респонденток, выехавших со своей исторической родины в другие регионы страны, в большей степени соответствует «модернизированным» образцам рождаемости.

Таблица 1

Средние значения характеристик брачно-репродуктивного поведения респонденток, проживающих в Дагестане, и респонденток, переехавших в другие регионы

Характеристика рождаемости	Проживающие в Дагестане	Проживающие в других регионах	Значимость различий на 95 %-м уровне достоверности
Возраст при вступлении в брак	20,85	21,45	+
Возраст при рождении первого ребенка	22,31	23,02	+
Число детей			
к 25 годам	1,17	0,84	+
30 годам	1,85	1,58	+
35 годам	2,51	1,61	+

Приведенные результаты лучше соотносятся с гипотезой адаптации, чем с гипотезой социализации, поскольку указывают на контрасты между жителями отправляющей территории и теми, кто совершил миграцию. Однако твердых оснований утверждать, что в данном случае реализуется сценарий, соответствующий гипотезе адаптации, эти результаты, очевидно, не дают. Так, в табл. 1 не различаются мигрантки, переселившиеся в разном возрасте. Если окажется, что большинство опрошенных женщин совершили миграцию в детском возрасте (до 15 лет), то контрасты, представленные в таблице, хорошо согласуются с гипотезой социализации: можно будет предположить, что различия между мигрантками и оставшимися на исторической родине в наибольшей степени связаны с тем, что основная часть мигранток усвоила в детстве репродуктивные установки принимающей территории. В действительности, однако, среди респонденток, опрошенных за пределами Дагестана, лишь 49 человек (четверть) совершили миграцию в возрасте до 15 лет. Это дает преимущество гипотезе адаптации.

Как инструмент для более надежной проверки двух гипотез мы использовали регрессионные модели с различными характеристиками брачно-репродуктивного поведения в качестве зависимого элемента. В табл. 2 представлены модели, в которых зависимое — возраст при рождении первого ребенка. В модели (1), (2) по одному включаются параметры места жительства от 0 до 15 лет и места жительства на момент опроса (во все модели в качестве контрольного параметра введен возраст женщины на момент опроса). Значимая отрицательная связь возраста при рождении первого ребенка с проживанием на исторической родине до 15-летнего возраста согласуется с гипотезой социализации, а такая же связь с проживанием на исторической родине на момент опроса — с гипотезой адаптации. Тот факт, что при включении в модель обоих параметров места жительства значимость сохраняет только место проживания в детстве (модель 3), говорит в пользу гипотезы социализации.

Таблица 2

**Взаимосвязь параметров миграционной истории женщины
и ее возраста при рождении первого ребенка
(модели с линейной регрессией)**

Независимый параметр	Модель		
	(1)	(2)	(3)
Возраст	0,221*** (0,028)	0,225*** (0,028)	0,225*** (0,028)
Проживание на исторической родине на момент опроса (0 — нет, 1 — да)	-0,783*** (0,327)	—	-0,572 (0,350)
Постоянное проживание на исторической родине в возрасте от 0 до 15 лет (0 — нет, 1 — да)	—	-1,813*** (0,720)	-1,403* (0,761)
R ²	0,180	0,182	0,190
N	311	306	306

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки.

***p < 0,01, *p < 0,1

Несколько иная картина наблюдается, когда зависимый параметр — число детей у женщины на момент опроса. В табл. 3 представлены соответствующие модели с регрессией Пуассона (в качестве контрольного параметра в модели также включен возраст женщины на момент опроса, не отраженный в таблице). Видно, что общее количество детей у женщины значимо отрицательно связано с проживанием вне Дагестана на момент опроса, а место проживания женщины в детстве для количества детей незначимо.

Таблица 3

Взаимосвязь параметров миграционной истории женщины и числа детей у нее на момент опроса (модели с регрессией Пуассона)

Характеристика респондентки	Модель	
	(1)	(2)
Проживает не на исторической родине	-0,310*** (0,1167)	–
Не проживала на исторической родине в возрасте от 0 до 15 лет	–	-0,136 (0,2697)
N	456	456

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки.

*** $p < 0,01$

Таким образом, попытки найти статистическую связь между параметрами репродуктивного поведения респонденток и их миграционной историей показывают, что данная связь больше согласуется с гипотезой социализации для возраста при рождении первого ребенка, но с гипотезой адаптации — для количества детей на момент опроса.

Возможные объяснения полученных результатов

Более ранний возраст вступления в брак и «старта» материнства, а также большее количество детей у жительниц Дагестана в целом сегодня связаны с более традиционной организацией их семей и с более высоким уровнем личной религиозности (см.: [Казенин, Козлов, 2017b]). Исходя из этого, наблюдаемое достоверное повышение указанных возрастных значений и снижение количества детей у женщин, совершивших миграцию, позволяют предположить, что в среде переселенцев названные социокультурные явления присутствуют менее концентрированно. Однако результаты нашего опроса по второму блоку анкеты (некоторые из них приведены в табл. 4) противоречат такому предположению. Из табл. 4 видно, что степень личной религиозности у женщин, переехавших из Дагестана, даже выше. По параметрам, сигнализирующим традиционность семейного уклада, переселенцы и оставшиеся на исторической родине весьма близки друг другу. Поэтому объяснять разницу брачно-репродуктивного поведения различием двух групп респонденток по этим параметрам вряд ли возможно.

Таблица 4

Некоторые результаты ответов респонденток
на вопросы социокультурного блока, %

Категория респонденток	Проживающие в Дагестане	Проживающие в других регионах
Продолжавшие образование после окончания школы	75,3	87,6
Имеющие работу на момент опроса	57,7	58,3
Замужем за человеком той же национальности (среди замужних)	90,4	92,6
Самостоятельно принявшие решение о замужестве (среди замужних)	96,5	96,1
Считающие важным дать детям знания о традициях своего народа	45,0	65,0
Считающие важным дать детям религиозное образование	33,2	64,0
Считающие недопустимым аборт	75,9	82,4

Следовательно, результаты проведенного исследования не позволяют определить вероятные социокультурные причины изменения брачно-репродуктивного поведения у женщин ногайской национальности, совершивших миграцию из Дагестана в другие регионы, по сравнению с женщинами той же национальности, проживающими в Дагестане. Результаты лишь дают возможность утверждать, что миграция ведет к принятию новой модели брачно-репродуктивного поведения, связанной с более поздним вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также с меньшим количеством детей в семье. При этом для изменения возрастных характеристик рождаемости статистически наиболее значимо проживание женщины вне исторической родины до 15-летнего возраста, а для количества детей — проживание вне Дагестана на момент опроса. Такой контраст позволяет предположить, что установки, связанные с возрастом вступления в брак и «старта» материнства, у женщин исследуемой группы переселенцев в значительной мере формируются в молодом возрасте, а установки, касающиеся количества детей, более «подвижны» и меняются под действием миграции, даже если она совершена во взрослом возрасте. Чтобы предложить возможные объяснения этому контрасту, полезным будет углубленное качественное исследование брачно-репродуктивных установок у женщин различных возрастных групп, мигрировавших в разном возрасте.

Выводы

Проведенное количественное исследование показало, что миграция рассматриваемой группы северокавказского населения оказывает влияние на брачно-репродуктивное поведение женщин: повышается возраст вступления в брак и рождения первого ребенка и понижается число рожденных детей. Сам по себе этот результат иллюстрирует несостоятельность распространенных алармистских суждений о сохраняющихся больших контрастах между мигрантами

с Северного Кавказа и населением принимающих регионов по демографическим характеристикам, об отсутствии адаптации переселенцев к поведенческим нормам жителей этих регионов. Вместе с тем обнаружение факторов, предопределяющих такую адаптацию, во многом остается задачей будущих исследований. Мы установили, что изменение брачно-репродуктивного поведения у женщин-мигранток по сравнению с женщинами, проживающими на отправляющей территории, не может быть объяснено различиями между ними по степени традиционности организации семьи и степени религиозности. Выявление других возможных механизмов влияния миграции на брачно-репродуктивное поведение является задачей будущего исследования.

Библиографический список

- Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 601 с.
- Захаров С. В., Сурков С. В. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2009. С. 45—118.
- Идрисов Э. Ш. Дагестанские ногайцы в Астраханской области: вопросы расселения и социокультурной адаптации // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Даг. науч. центра РАН, 2014а. С. 154—162.
- Идрисов Э. Ш. Ногайцы в современной урбанистике города Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014б. № 2 (39). С. 119—125.
- Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели: (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 6—79. URL: https://demreview.hse.ru/data/2018/02/08/1162209467/DemRev_4_4_2017_6-79.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- Казенин К. И., Козлов В. А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 3. С. 100—123. URL: https://demreview.hse.ru/data/2016/11/24/1112996374/DemRev_3_3_2016_100-123.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
- Казенин К. И., Козлов В. А. Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение. 2017а. № 1. С. 46—58.
- Казенин К. И., Козлов В. А. Особенности брачно-репродуктивного поведения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН. 2017б. № 2. С. 65—81.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. СПб.: Петербург. востоковедение, 2011. 439 с.
- Ярлыкапов А. А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 78—81.
- Ярлыкапов А. А. Российский Север в судьбах ногайцев: постановка проблемы // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Даг. науч. центра РАН, 2014. С. 127—137.
- Abbasi-Shavazi M., McDonald P. A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin // Genus. 2002. Vol. 58, № 1. P. 53—76.

- Andersson G. Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *The International Migration Review*. 2004. Vol. 38, № 2. P. 747—774.
- Coleman D. A., Dubuc S. The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s — 2006 // *Population Studies*. 2010. Vol. 64, № 1. P. 19—41.
- Cygan-Rehm K. Do immigrants follow their home country's fertility norms? // *IWQW Discussion Paper Series*. 2013. № 4. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/73144/1/745266444.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).
- Goldstein S., Goldstein A. The impact of migration on fertility: an “Own Children” analysis for Thailand // *Population Studies*. 1981. Vol. 35, № 2. P. 265—284.
- Hervitz H. Selectivity, adaptation, or disruption?: a comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil // *The International Migration Review*. 1985. Vol. 19, № 2. P. 293—317.
- Hoem J. M., Nedoluzhko A. Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing // *Demographic Research*. 2008. Vol. 18, art. 21. P. 611—628.
- Kulu H. Migration and fertility: competing hypothesis reexamined // *European Journal of Population Research*. 2005. Vol. 21. P. 51—87.
- Kulu H., Hannemann T. Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women // *Demographic Research*. 2016. Vol. 35, art. 49. P. 1441—1488. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf>. (дата обращения: 17.07.2017).
- Milewski N. Immigrant fertility in West Germany: is the re-socialization effect in transitions to second and third births // *European Journal of Population*. 2010. Vol. 26, iss. 3. P. 297—323.
- Pailhé A. The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France // *Stockholm University Families and Societies Working Papers*. 2015. Vol. 39. P. 98—127.

References

- Abbasi-Shavazi, M., McDonald, P. (2002) A comparison of fertility patterns of European immigrants in Australia with those of the countries of origin, *Genus*, vol. 58, no. 1, pp. 53—76.
- Andersson, G. (2004) Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden, *The International Migration Review*, vol. 38, no. 2, pp. 747—774.
- Coleman, D. A., Dubuc, S. (2010) The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s — 2006, *Population Studies*, vol. 64, no. 1, pp. 19—41.
- Cygan-Rehm, K. (2013) Do immigrants follow their home country's fertility norms?, *IWQW Discussion Paper Series*, no. 4, available from <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/73144/1/745266444.pdf> (accessed 17.07.2017).
- Goldstein, S., Goldstein, A. (1981) The impact of migration on fertility: an “Own Children” analysis for Thailand, *Population Studies*, vol. 35, no. 2, pp. 265—284.
- Hervitz, H. (1985) Selectivity, adaptation, or disruption?: A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: the case of Brazil, *The International Migration Review*, vol. 19, no. 2, pp. 293—317.
- Hoem, J. M., Nedoluzhko, A. (2008) Marriage formation as a process intermediary between migration and child-bearing, *Demographic Research*, vol. 18, art. 21, pp. 611—628.
- Iarlykapov, A. A. (2008) Нефть и миграция нogaйцев на Север [Oil and migration of Nogais to the North], *Этнографическое обозрение*, no. 3, pp. 78—81.
- Iarlykapov, A. A. (2014) Rossiiskii Sever v sud'bakh nogaïsev: postanovka problemy [The North of Russia in Nogais' fortunes: setting the problem], in: *Этнокул'turnye landshafty na postsovetskom prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniia dagestans-*

- kogo komponenta*, Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i étnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, pp. 127—137.
- Idrisov, È. Sh. (2014a) Dagestanskies nogaiſy v Astrakhanskoï oblasti: voprosy rasseleniia i sotsiokul'turnoi adaptatsii [Daghestan Nogais in Astrakhan region: areals of settlement and socio-cultural adaptation], in: *Étnokul'turnye landshafy na postsovetskom prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniia dagestanskogo komponenta*, Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i étnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, pp. 154—162.
- Idrisov, È. Sh. (2014b) Nogaïtsy v sovremennoï urbanistike goroda Astrakhani [Nogais in today's urban milieu of Astrakhan], *Kaspiiskii region: politika, ékonomika, kul'tura*, no. 2 (39), pp. 119—125.
- Karpov, Iu. Iu., Kapustina, E. L. (2011) *Gortsy posle gor* [Mountain peoples after the mountains], St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Kazenin, K. I. (2017) Rozhdaemost' v sem'iakh migrantov: dannye, gipotezy, modeli: (Obzor zarubezhnykh issledovaniï) [Fertility in family of migrants: data, hypotheses, models: (A review of international research)], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no. 4, pp. 6—79, available from https://demreview.hse.ru/data/2018/02/08/1162209467/DemRev_4_4_2017_6-79.pdf (accessed 21.02.2018).
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2016) Omolozhenie materinstva v Dagestane: tendentsiia ili artefakt [The rejuvenation of motherhood in Daghestan: trend of artefact], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 3, no. 3, pp. 100—123, available from https://demreview.hse.ru/data/2016/11/24/1112996374/DemRev_3_3_2016_100-123.pdf (accessed 21.02.2018).
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2017a) Vozrast materinstva v Dagestane: znachimost' étnicheskogo faktora v usloviakh modernizatsii [Age of motherhood in Daghestan: the significance of ethnicity in the context of modernization], *Narodonaselenie*, no. 1, pp. 46—58.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2017b) Osobennosti brachno-reproduktivnogo povedeniia v Respublike Dagestan: ikh prichiny i sotsial'no-ékonomicheskie posledstviia [Specificity of nuptiality and fertility in Daghestan: their reasons and social-economic consequences], *Vestnik instituta ékonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, no. 2, pp. 65—81.
- Kulu, H. (2005). Migration and fertility: competing hypothesis reexamined, *European Journal of Population Research*, vol. 21, pp. 51—87.
- Kulu, H., Hannemann, T. (2016) Why does fertility remain high among certain UK-born ethnic minority women, *Demographic Research*, vol. 35, art. 49, pp. 1441—1488, available from <https://www.demographic-research.org/volumes/vol35/49/35-49.pdf> (accessed 17.07.2017).
- Milewski, N. (2010) Immigrant fertility in West Germany: is the reasocialization effect in transitions to second and third births, *European Journal of Population*, vol. 26, iss. 3, pp. 297—323.
- Pailhé A. (2015) The timing of child-bearing among descendants of immigrants in France, *Stockholm University Families and Societies Working Papers*, vol. 39, pp. 98—127.
- Vishnevskii, A. G. (ed.) (2006) *Demograficheskaiia modernizatsiia Rossii, 1900—2000* [Demographic modernization of Russia, 1900—2000], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Zakharov, S. V., Surkov, S. V. (2009) Migratsionnyi opyt i rozhdaemost' v poslevoennykh pokoleniakh rossiian [Migration experience and fertility of post-war generations of Russians], in: Zakharov, S. V., Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyï institute sotsial'noi politiki, pp. 45—118.

Информация об авторах / Information about the authors

Казенин Константин Игоревич — кандидат филологических наук, директор, Центр региональных исследований и урбанистики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; старший научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара; доцент кафедры демографии, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, kz@ranepa.ru (Cand. Sc. (Philology), Director, Center for Regional Studies and Urbanistics of the Russian Academy for National Economy and Public Administration; Senior Researcher, Gaidar Institute for Economic Policy; Associate Professor at the Department of Demography, National Research University “Higher School for Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Идрисов Эльдар Шамигуллович — кандидат политических наук, заместитель директора, Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Астрахань, Россия, idrisel@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Deputy Head, Astrakhan Branch of the Russian Academy for National Economy and Public Administration, Astrakhan, Russian Federation).

Имашева Марина Маратовна — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, этнологии и археологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, imaschewa@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History of Tatarstan, Ethnology and Archaeology, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation).